

Большов Сергей Владимирович

**ЛЕСНАЯ ПОЛОСА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
(проблемы культурогенеза
первой половины II тысячелетия до н.э.)**

Специальность 07.00.06 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2011

**Работа выполнена на кафедре региональной истории
Федерального государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Марийский государственный университет»**

Научные консультанты: доктор исторических наук, профессор
Пряхин Анатолий Дмитриевич
доктор исторических наук, профессор
Патрушев Валерий Степанович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Горбунов Владимир Степанович
доктор исторических наук, профессор
Синюк Арсен Тигранович
доктор исторических наук, профессор
Ставицкий Владимир Вячеславович

Ведущая организация: Федеральное государственное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

Защита состоится «30» марта 2012 г. в 12 ч. на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д.022.002.01 при Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ по адресу: 420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> 30 декабря 2011 г.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Института истории им. Ш. Марджани АН РТ <http://www.iis.mari.ru>

Автореферат разослан «20» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000802429

Р.Р.Хайрутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

В культурогенезе эпохи средней бронзы лесной полосы Среднего Поволжья принимают участие племена разных культурогенетических традиций, связанные с различными культурно-историческим регионам (КИР). Поэтому решение проблем культурогенеза этой территории является актуальным для обширных зон лесостепи и леса Евразии. В лесной полосе Среднего Поволжья к моменту проникновения племен абашевской культурно-исторической общности и фатьяновско-балановской культурно-исторической общности существовала средневожская волосовская культура. Средневожская волосовская культура также входит в большую культурно-историческую общность (КИО), памятники которой известны от Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья до Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Абашевская общность занимает территорию от Подонья до Южного Урала, фатьяновско-балановская общность – от Прибалтики до Среднего Поволжья.

Для евразийской лесостепи и южных районов лесной зоны выделены три крупных культурно-исторических региона: доно-донецкий, заволжско-уральский (волго-уральский) и западносибирско-алтайский (В.И. Молодин, А.Д. Пряхин). Среднее Поволжье имеет отношение ко всем трем регионам. С одной стороны, и географически, и с учетом традиционных культурно-исторических связей, оно относится к волго-уральскому региону. С другой стороны, средневожская абашевская культура как составная часть абашевской КИО имеет связи с доно-донецким регионом. Западное направление связей предполагают и балановская, и атликасинская культуры. И, в-третьих, наличие в Среднем Поволжье сейминско-турбинских памятников связывает Среднее Поволжье с западносибирско-алтайским регионом.

На границе леса и лесостепи как нигде хорошо фиксируется неравномерность культурно-исторического развития племен с разными культурогенетическими традициями. Наступление эпохи раннего металла, да и собственно эпохи бронзы, для лесной полосы Среднего Поволжья связано с появлением в регионе культур фатьяновско-балановской и абашевской общности. Достаточно проблематично выделение для севера Среднего Поволжья раннего бронзового века.

Проблема определения связей средневожского региона с западносибирско-алтайским КИР через памятники сейминско-турбинского типа также является актуальной. Отнесение Юринского и Сейминского могильников лесной зоны Среднего Поволжья к сейминско-турбинским памятникам не вызывает сомнений. Все больше сторонников приобретает и гипотеза о связи комплексов керамики с валиком и «змейкой» позднево-

совских поселений Среднего Поволжья с сейминско-турбинским феноменом и кротовской культурой. Связь Среднего Поволжья с доно-донецким КИР через памятники абашевской культуры также достаточно очевидна. Но необходимо уточнить хронологическое соотношение средневолжской и доно-волжской абашевских культур.

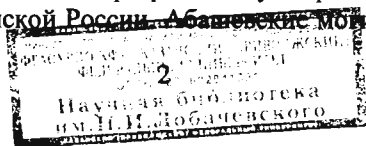
Таким образом, проблемы культурогенеза средней бронзы лесной полосы Среднего Поволжья не только региональные проблемы, но и являются частью большой проблемы определения хронологического и культурогенетического соотношения племен эпохи бронзы лесной и лесостепной зон Евразии.

Степень разработанности проблемы

Поставленные в диссертации вопросы исследовались в работах О.Н. Бадера, Д.А. Крайнова, А.Х. Халикова, Н.Я. Мерперта, А.Д. Пряхина, В. С. Горбунова, В.В. Никитина и др. исследователей. В настоящее время основной моделью культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья эпохи бронзы остается модель, предложенная А.Х. Халиковым и О.Н. Бадером (Халиков, 1960; Бадер, 1963; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966; Халиков, 1969; Бадер 1963; 1970; Бадер, Халиков, 1976). В общей форме эта модель сводится к следующему. Эпоха бронзы на севере Среднего Поволжья связана с появлением здесь племен балановской культуры, исходная территория которой не до конца ясна и определена. Вступление балановцев в контакт с поздневолосовскими племенами приводит к формированию в Среднем Поволжье чирковско-сейминской [Халиков, 1960, с. 131] или чирковской [Бадер, 1970, с. 151] культуры. Позднее А.Х. Халиков оставил за культурой термин «чирковская культура». В сложении чирковской культуры принимали участие и племена культуры керамики с валиком [Халиков, 1987, с. 136–139]. К концу этих процессов в Правобережье Средней Волги проникают абашевские племена, которые вытесняют балановское население за Суру. Пребывание абашевских племен в лесной полосе Среднего Поволжья считается кратковременным и по этой модели абашевское население не оказало сколько-либо существенного влияния на культурогенез средневолжского региона. Такова в общих чертах концепция культурогенеза лесной зоны Среднего Поволжья в эпоху бронзы.

В той или иной степени, отдельные моменты этой концепции уточнялись и дополнялись О.В. Кузьминой [1992; 2001], В.И. Бесединым [1995; 1996; 2000], С.В. Кузьминых [1999], Б.С. Соловьевым [2000; 2009], С.В. Большовым [1995; 2000; 2003; 2007; 2008; 2009] и другими исследователями.

Абашевская культура Среднего Поволжья является тем ключом, который позволяет выйти на более разработанную хронологию культур лесостепи и степи европейской России. Абашевские памятники севера Сред-

ней Волги одними исследователями считаются самыми ранними в абашевской культурно-исторической общности, при этом признается их пост-балановская хронология (О.В. Кузьмина). В другой гипотезе определяется их более поздний характер относительно доно-волжских абашевских памятников. Выяснение их хронологии вытекает из состояния изученности проблемы. Внимания заслуживает и сейминско-турбинская проблема в связи с новыми ранними датировками и предполагаемыми контактами этих племен не только с абашевским населением, но возможно и с балановским.

Дискуссии относительно хронологической позиции средневолжской абашевской культуры в абашевской культурно-исторической общности не прекращаются. Не менее важным вопросом является и определение культурно-хронологической позиции средневолжских балановской и атликасинской культур в фатьяновско-балановской культурно-исторической общности. Анализ проблем культурогенеза эпохи средней бронзы лесной полосы Среднего Поволжья осуществляется в нескольких направлениях. Во-первых, рассматриваются региональные культуры, определяется вектор их развития и корреляционные связи между ними. Во-вторых, вхождение этих культур в большие культурно-исторические общности делает актуальным анализ с позиций определения их положения в этих объединениях, выяснения взаимоотношений с другими культурами общностей. И, в-третьих, Среднее Поволжье соотносится с крупными культурно-историческими регионами и возникает необходимость проследить культурные связи на материалах региональных культур лесной полосы Среднего Поволжья. Решение этих задач вытекает из состояния изученности культур среднего Поволжья эпохи бронзы.

Цель и задачи

Цель работы: на основе системного и типологического анализа археологических материалов культур средней бронзы лесной полосы Среднего Поволжья определить корреляцию культур данного региона. На основе корреляционного анализа культур лесной полосы Среднего Поволжья осуществить реконструкцию культурогенетического процесса в регионе. Культурогенез рассматривается как дискретный процесс, единицами которого являются региональные культуры, входящие в различные системы КИО. Поставленная цель определяет и конкретные задачи:

1. Выделение типолого-хронологического горизонта волосовских поселений начала эпохи раннего металла (ЭРМ);
2. Определение хронологического соотношения абашевских, балановских и атликасинских памятников;
3. Определение хронологического положения средневолжской абашевской культуры в абашевской КИО;

4. Определение места балановских и атликасинских памятников в фатьяновско-балановской КИО;

5. Выяснение соотношения средневолжской абашевской культуры и сейминско-турбинского феномена.

6. Чирковско-сейминская проблема.

Объект и предмет

Объектом исследования являются археологические памятники: курганные и грунтовые могильники, поселения. В свою очередь, образующие археологические культуры средневолжского региона: волосовскую (поселения развитого – завершающего этапа), абашевскую, балановскую, атликасинскую, чирковскую (керамические комплексы), и западные сейминско-турбинские могильники. Предмет исследования, отражающий наиболее характерные и определяющие признаки объекта, представлен погребальным обрядом, в самом широком смысле: погребальные сооружения и конструкции, погребальный инвентарь и т.д. Для поселений это, прежде всего, постройки, посуда и различные категории инвентаря. Совокупность артефактов, обладающих структурообразующими признаками рассматриваемых культур, в конечном итоге и составляет предмет исследования.

Методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования

Основополагающим методологическим принципом исследования является принцип историзма. Этот принцип предполагает рассмотрение объекта с учетом его внутренней структуры. Исходя из принципа историзма, объект рассматривается как процесс, т.е. в системе следующих друг за другом исторических связей и зависимостей. С принципом историзма связано и раскрытие закономерностей развития объекта, законов перехода от одного исторического состояния с одной структурой к другому историческому состоянию, характеризующемуся другой структурой. Принцип историзма лежит в основе научной объективности исследования.

Основными методами исследования являются системный и типологический анализы. В качестве одного из основных инструментов исследования является системный подход, на основе которого строятся системы различных эпистемологических уровней. Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и, обеспечивающих эту целостность механизмов, выявляет многообразие типов связей сложного объекта и сводит их в единую теоретическую картину. Анализ систем различных уровней позволяет, с одной стороны, систематизировать полученные знания о культурогенезе, а с другой стороны, уточнить направления дальнейших исследований и выделить наиболее информативные параметры изучаемых явлений. В качестве базовой модели является общая система, построенная на основе разнородных систем, характеризующих раз-

личные стороны культуругенеза и полученная в результате обобщения археологических источников и исследований. Системный анализ культур лесной полосы Среднего Поволжья средней бронзы, с одной стороны, предполагает рассмотрение их в качестве отдельных субъектов, составляющих системы КИО. С другой стороны, принадлежность этих культур к определенным КИР, включает их в культуругенез данных регионов и определение их роли в этих процессах также является важной задачей.

Типологический анализ опирается на разработки археологической типологии, предложенные Л.С. Клейном. Археологическая типология является способом реконструкции и моделирования культуругенеза. При характеристике культуругенеза используется также терминология и теоретические положения, разработанные В.С. Бочкаревым, А.Т. Синюком, Е.Н. Черных. Обосновывается также необходимость использования сравнительно-типологического анализа при рассмотрении структурообразующих признаков культур. При анализе погребальных памятников севера Среднего Поволжья используется такой термин как «культурный комплекс». Культурный комплекс является системой, которая состоит из значительного числа существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся, по крайней мере, к нескольким из важнейших категорий археологического материала. Совокупность замкнутых комплексов, объединенных и отличающихся от других исключительным или преобладающим проявлением одного культурного комплекса или отдельных, но характерных для него сложных компонентов именуется культурной группой. Выделение культурных групп погребений (обрядовых групп по А.Д. Пряжину) дает возможность осуществить формирование типолого-хронологических горизонтов погребений. Это позволяет не только зафиксировать определенные закономерности для погребальных памятников, но и проследить динамику и направление векторов развития погребального обряда и инвентаря. После установления типолого-хронологических горизонтов погребений в отдельной культуре появляется возможность перехода к построениям таких горизонтов для нескольких культур. Появляется и возможность определения связей внутри культурно-исторических общностей между региональными культурами. Для определения хронологического и культуругенетического соотношения культур используется корреляционный анализ.

Основными источниками исследования являются археологические материалы Марийской археологической экспедиции 1956–2004 гг., Чувашской археологической экспедиции, а также материалы раскопок В.Ф. Смолина, О.Н. Бадера и других исследователей, хранящиеся в фондах музеев и археологических центров Йошкар-Олы, Казани, Самары, Чебоксар, архивах ИА РАН, МарНИИЯЛИ, ЧГИГН. В работе использованы также мате-

риалы автора, полученные в результате работ археологической экспедиции Марийского республиканского краеведческого музея в 1983–1996 гг. Используются также результаты палинологических анализов, полученных из курганов средневолжской абашевской культуры, и выполненные А.Л. Александровским и Е.А. Спиридоновой. В работе использовались и археозоологические материалы, полученные А.Г. Петренко и показывающие пути становления животноводческого хозяйства в Среднем Поволжье.

В качестве аналогий в работе использовался широкий круг артефактов как опубликованных, так и известных автору по коллекциям Воронежского государственного университета, Воронежского, Самарского, Уфимского, Чебоксарского педагогических университетов, научных центров и музеев Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Перми, Самары, Саратова, Чебоксар.

Хронологические рамки и территория

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину II тыс. до н.э. Рассматриваемые культуры относятся к различным археологическим эпохам, хотя на определенных этапах и синхронны в абсолютной хронологии. Так волосовская культура на поздних этапах развития только вступает в начало эпохи раннего металла (ЭРМ), в то время как культуры-мигранты: абашевская, балановская, атликасинская по культурогенетическим характеристикам и в хронологии лесостепи Евразии относятся к эпохе средней бронзы.

Лесная полоса Среднего Поволжья или север Среднего Поволжья, в современном административном делении – это часть Нижегородской, Кировской областей, незначительные части Ульяновской области, Мордовской и Татарской республик, а также территории Марийской и Чувашской республик. Это регион, примыкающий к среднему течению Волги, примерно, от Нижнего Новгорода до Казани.

Научные результаты, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие результаты исследования:

- Волосовские памятники ЭРМ, средневолжская абашевская, атликасинская и балановская культуры синхронны на определенных этапах своего развития;
- В Среднем Поволжье выделяется абашевско-сейминский хронологический горизонт;
- Ранний период средневолжской абашевской культуры соответствует началу формирования абашевской КИО;
- Формирование чирковской культуры не получает завершения к концу эпохи средней бронзы.
- волосовская культура (поздний этап), абашевская культура, балановская, атликасинская и сейминско-турбинские памятники синхронны на определенных этапах их развития.

Научная новизна работы

В работе культуры региона анализируются не только с позиций их принадлежности к Среднему Поволжью, но и в их взаимосвязи с различными КИР, и в свете взаимоотношений «лесная зона и лесостепь». Археологические культуры средневожского региона рассматриваются как региональные культуры больших КИО. Культурогенез лесной зоны Среднего Поволжья моделируется как дискретный процесс, определяется вектор развития этого процесса. До недавнего времени средневожская абашевская культура рассматривалась как кратковременное пребывание немногочисленной группы абашевского населения на севере Средней Волги. Попытка периодизации средневожской абашевской культуры на основе анализа керамики предпринята О.В. Кузьминой. В работе предлагается периодизация абашевской культуры не только на основе инвентаря, но и с учетом основных признаков погребального обряда. И хотя периоды или этапы абашевской культуры выделяются, прежде всего, типологически, но это все же позволяет определить хронологические горизонты погребений. В работе осуществляется и синхронизация культур средней бронзы региона.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическое значение работы заключается, прежде всего, в том, что культуры региона рассматриваются и анализируются в системе взаимоотношений лесная – лесостепная зоны Евразии. В работе рассматривается как восточное направление связей культур региона (сейминско-турбинская проблема), так и западное (абашевская КИО, фатьяновско-балановская КИО). Теоретическое значение имеют также периодизация средневожской абашевской культуры и моделирование процессов культурогенеза в средневожском регионе в эпоху средней бронзы.

Результаты исследования могут использоваться при разработке спецкурсов по древней истории и культуре средневожского региона для вузов и колледжей, при оформлении экспозиции историко-археологического музея Республики Марий Эл. Отдельные материалы, представленные в исследовании, и выводы использовались автором и другими специалистами при написании учебных пособий и научно-популярных изданий.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 07.00.06. – Археология. Область исследования: п. 1 – Первобытная археология (бронзовый век); п. 6 – Археологическая периодизация и хронология истории; п. 10 – Реконструкция социальной, экономической, политической, этнической истории и идеологических систем по археологическим источникам.

Апробация и реализация результатов исследования

Основные положения работы изложены в трех монографиях и в более чем 70 статьях и заметках. Проблемы, рассматриваемые в работе, обсуж-

дались также на региональных и российских археологических конференциях и симпозиумах (Юрино, 1989; Саратов, 1991; Казань, 1999; Йошкар-Ола, 2000; Ижевск, 2000; Казань, 2003; Юрино, 2006), международных конференциях (Москва, 2001; Самара, 2001; Ижевск, 2002; Чебоксары, 2003; Пермь, 2003), III Международном историческом конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2004), X Международном конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005), в отделе археологии МарНИИЯЛИ, кафедре археологии Воронежского государственного университета, Национальном центре археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Структура работы

Работа состоит из введения, 6 глав, заключения, библиографического списка, двух приложений и иллюстраций. Приложения включают: каталог основных памятников и цифровые таблицы с характеристикой памятников средней бронзы. Объем: основной текст – 347 с.; текстовые приложения – 2; таблицы – 46; иллюстративное приложение – 56 ед.; список источников и литературы – 451 позиция. Общий объем работы – 542 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение. В введении рассматриваются цель и задачи, характеризуется методология и терминология исследования, обосновывается актуальность темы. Отмечается, что культурно-исторические общности рассматриваются как системы, а их развитие как процесс. Важным инструментом исследования в археологическом познании является и археологическая типология. Выявление последовательности периодов культурного развития (культурогенеза), т.е. установление относительной хронологии невозможно без использования типологического метода.

Глава 1. История исследования и историография изучения проблем среднего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья. Глава состоит из четырех параграфов и посвящена истории исследования археологических культур, историографии и основным проблемам культурогенеза эпохи средней бронзы лесной зоны Среднего Поволжья.

§ 1. Физико-географическая характеристика региона. Наряду с современной физико-географической характеристикой региона дается и его характеристика эпохи бронзы, что обосновывает появление в этой зоне скотоводческих племен лесостепи.

§ 2. История исследования археологических культур. Дается история исследования волосовской, балановской, атликасинской, абашевской, чирковской культур и сейминско-турбинских памятников. Первые сведения о курганах и первые находки бронзовых предметов связаны с именами таких ученых как В.К. Магницкий, И.А. Износков, С.М. Шпилевский,

П.И. Кротов, А.А. Спицын, Н.А. Архангельский, А.А. Штукенберг, А.М. Тальгрэн и др. К началу прошлого века относятся первые раскопки атликасинских курганов (М.М. Хомяков), Сейминского могильника (1912–1920 гг.; Б.С. Жуков, 1922 и 1929 гг.). В 1925 году начинается В.Ф. Смолиным Абашевский могильник. В 1926 году в Среднем Поволжье начинает работу Средневожская комплексная экспедиция ГАИМК, которая за два года исследовала большую группу абашевских курганов в разных районах Чувашской республики. В 1933 г. были начаты раскопки Балановского могильника, продолжавшиеся с перерывами до 1957 г. (Тихонов И., 1933 г.; Бадер О.Н., 1934, 1936, 1937, 1957; Акимова М.С. 1940). В сороковые годы прошлого века О.А. Кривцова-Гракова, М.С. Акимова и Н.Ф. Калинин изучают абашевские курганы в Правобережье Волги. Планомерное изучение памятников эпохи бронзы в Среднем Поволжье начинается в 50-е годы XX в. П.Д. Степановым, А.Х. Халиковым, О.Н. Евтюховой, Н.Я. Мерпертом, В.Ф. Каховским, Н.В. Трубниковой раскапываются абашевские и атликасинские курганы, балановские поселения. В 60–70-е годы XX в. начинается изучение памятников волосовской культуры Г.А. Архиповым и В.В. Никитиным. С восьмидесятых годов XX в. волосовские, балановские и чирковские памятники в Среднем Поволжье изучает Б.С. Соловьев. Б.В. Каховский раскапывает курганы атликасинской и абашевской культур. В 2001 году Б.С. Соловьевым начато изучение Юринского сейминско-турбинского могильника. С восьмидесятых годов прошлого века автор начинает исследование волосовских поселений и курганов абашевской культуры. К настоящему времени создан значительный фонд археологических источников по эпохе средней бронзы, который позволяет не только решать отдельные проблемы, но и моделировать культурогенетические процессы в регионе.

§ 3. Историография изучения проблем культурогенеза. В центре историографических проблем культурогенеза средней бронзы лесной полосы Среднего Поволжья находится проблема взаимоотношений местного поздневолосовского населения и пришлых племен скотоводческих культур эпохи бронзы: балановской, атликасинской, абашевской и сейминско-турбинского населения. Одной из основных проблем в историографии изучения средневожской волосовской культуры является проблема финала культуры и культурологического определения ее поздних памятников. Памятники позднего – завершающего этапа вырываются из контекста волосовской культуры и помещаются либо в чирковско-сейминскую, чирковскую (А.Х. Халиков) или выделяются в «памятники выжумского типа» и чирковскую культуру ранней бронзы (Б.С.Соловьев).

Основные моменты историографии и основные проблемы средневожской балановской культуры заключаются в определении соотношения

фатьяновских, балановских и атликасинских памятников. Историографические проблемы средневожской абашевской культуры заключаются в определении ее места в абашевской КИО и синхронизации с культурами эпохи бронзы Волго-Уралья. Большое значение для решения проблем культурогенеза эпохи средней бронзы средневожского региона имеет синхронизация культур этого региона с культурами лесостепи.

§ 4. Основные проблемы культурогенеза. Одним из принципов развития культурогенетических процессов в лесной зоне Среднего Поволжья является принцип дискретности этих процессов. Одновременно с этим, определение эпохи бронзы для лесной полосы Среднего Поволжья сталкивается с рядом проблем, если рассматривать этот регион в системе взаимоотношений лесостепная зона – лесная зона Восточной Европы. Классическое деление эпохи бронзы на ранний, средний и поздний бронзовые века в системе этих взаимоотношений ведет к несовпадениям при их определениях для лесной и лесостепной зон. Выделение раннего бронзового века для севера Среднего Поволжья достаточно проблематично. Важной проблемой для средневожской волосовской культуры является проблема культурологического определения ее поздних памятников. Памятники позднего – завершающего этапа вырываются из контекста волосовской культуры и выделяются в «памятники выжумского типа» или относятся к чирковской культуре ранней бронзы. Одной из наиболее актуальных проблем изучения балановской культуры в настоящее время является проблема определения ее соотношения с другими культурами эпохи бронзы севера Среднего Поволжья.

Более полному пониманию культурогенеза севера Среднего Поволжья эпохи бронзы способствует выделение здесь абашевско-сейминского хронологического горизонта. Выделение этого горизонта позволяет соотнести между собой памятники разных культур, племена различных культурно-экономических традиций. К этому типолого-хронологическому горизонту, который в широком смысле соответствует началу эпохи раннего металла в лесной зоне Среднего Поволжья, относятся поздневожские поселения, памятники балановской, атликасинской, абашевской культур и комплексы «валиковой» керамики (памятники вольско-лбищенского типа или вольско-лбищенская культурная группа эпохи средней бронзы по И.Б. Васильеву). Все рассматриваемые проблемы тесно связаны между собой, и поэтому анализируются в комплексе, без отрыва друг от друга.

Глава 2. Средневожская волосовская культура.

В главе рассматриваются памятники развитого – завершающего этапа волосовской культуры и выделяется типолого-хронологического горизонт волосовских поселений начала эпохи раннего металла (ЭРМ).

§ 1. Средневолжская волосовская культура. Поселения развитого – завершающего этапа культуры. Делается анализ волосовских поселений и дается характеристика культурных комплексов развитого – завершающего этапов волосовской культуры. Рассматриваются основные волосовские памятники этого периода. Уже на развитом этапе культуры, наряду с существованием неолитической формы посуды (полуяйцевидная форма сосудов с закрытым или открытым горлом), появляются сосуды новых форм. Прежде всего, следует отметить появление сосудов горшковидной формы, вероятно, первоначально с округлым дном, а позднее с уплощенным и плоским дном. Появляются и сосуды баночной формы. В технике орнаментации главенствующее положение занимает зубчатый штамп, но появляется прочерченный и резной орнамент. В орнаментальных композициях наряду с линейно-зональным размещением орнамента появляется и геометризм в орнаменте. Появляются новые категории орудий, связанные с новыми технологическими стандартами. В частности появляются массивные каменные молоты с перехватом, плиты из твердого песчаника, вероятно, связанные с металлообработкой.

§ 2. Типолого-хронологический горизонт волосовских поселений начала эпохи раннего металла и становление производящего хозяйства на севере Среднего Поволжья. В конце развитого – на позднем и завершающем этапах волосовской культуры (по В.В. Никитину) на поселениях появляются артефакты, свидетельствующие о вступлении волосовских племен в ЭРМ. Выделяется две категории артефактов: керамика культур, встречаемая на волосовских поселениях и фиксирующая приход племен эпохи бронзы на север Средней Волги, и изделия из металла и/или следы металлообработки (тигли, ошлаковки, капли меди).

Большинство исследователей объединяют волосовские памятники севера Средней Волги с турбинскими памятниками Прикамья в единую волосовско-турбинскую общность (О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, В.В. Никитин, В.П. Третьяков, И.Б. Васильев и др.). Поэтому нет ничего удивительного и в существовании отдельных свидетельств контактов абашевских и гаринско-борских племен в Прикамье. Очковидная подвеска известна с поселения Камский Бор II. На поселении Красное Плотбище найдены две абашевские бляшки-розетки и очковидная подвеска. О.Н. Бадер считал, что медные предметы из гаринско-борских памятников Прикамья позднего этапа имеют большое сходство с абашевскими вещами. Таким образом, в лесной зоне Среднего Поволжья выделяется типолого-хронологический горизонт волосовских поселений начала ЭРМ.

Глава 3 Средневолжская абашевская культура и абашевская культурно-историческая общность.

Глава состоит из 3 параграфов. В главе дается общая характеристика погребального обряда и инвентаря могильников средневожской абашевской культуры. Уточняется хронология, и предлагается периодизация культуры. Определяется хронологическое положение средневожской абашевской культуры в абашевской культурно-исторической общности.

§ 1. Средневожские абашевские могильники. Общая характеристика погребального обряда и инвентаря. Дается общая характеристика погребального обряда и инвентаря могильников средневожской абашевской культуры. Всего на севере Средней Волги известно 47 абашевских могильников с 565 курганами. Характеристика погребального обряда дается по следующим позициям: топография, размеры и форма курганов, внемогильный погребальный ритуал, форма и размеры могильных ям, их ориентировка и ориентация костяка, устройство могил, положение погребенного и ряд менее существенных.

При анализе погребального инвентаря была выявлена его номенклатура, исходя из функционального назначения предметов и с учетом наиболее важных признаков, определены категории и образованы группы. Внутри групп, при наличии особенностей и специфических черт у отдельных предметов, формировались типы, что позволило отметить определенные закономерности и наметить тенденции изменения признаков внутри групп. Одновременно осуществлялся сравнительный анализ по группам инвентаря между погребальными комплексами Волго-Сурского и Волго-Вятского междуречья.

Самую многочисленную категорию инвентаря составляет керамика. Сосуды находились в 227 погребениях. В анализ включено 270 целых и реконструированных сосудов. Все сосуды разделены по форме на 3 группы: сосуды колоколовидной формы, сосуды остросереберной формы и сосуды баночной формы. Анализируется металлический инвентарь, а также изделия из кости и кремня. Число металлических орудий невелико: 25 изделий или 10% от общего числа предметов из металла. Самую многочисленную группу составляют шилья (19 экз.). В средневожских абашевских могильниках найдено 4 ножа и два рыболовных крючка. В Пепкинском кургане обнаружены литейная форма, тигли и набор меднолитейщика. Известно 20 кремневых наконечников стрел (кроме наконечника из Таушк-синского могильника), имеющего листовидную форму без черешка, все наконечники с треугольной формы пером, с выраженными шипами и треугольным черешком, т.н. наконечники стрел сейминского типа. Костяные изделия встречены только в могильниках Волго-Сурского междуречья: 2 костяных наконечника стрел, коллекция костяных предметов из Пепкинского кургана. Самой большой группой предметов из металла являются украшения. Одним из ярких и характерных украшений средне-

волжских абашевцев являются украшения головы или головного убора. Анализ материалов средневолжской абашевской культуры показывает единую линию развития абашевской культуры на Средней Волге. В целом анализ погребального обряда и инвентаря абашевских могильников Среднего Поволжья позволил выделить периоды развития культуры и определить корреляцию с доно-волжской абашевской культурой.

§ 2. Хронология и периодизация средневолжской абашевской культуры. Периоды развития средневолжской абашевской культуры выделены, прежде всего, типологически. Предлагаемая периодизация средневолжской абашевской культуры не столько периодизация хронологическая, сколько инструмент исследования. При этом выделяются определенные хронологические горизонты погребений, содержащих признаки с высокой культурной значимостью.

Ранний период. За основу выделения раннего периода средневолжской абашевской культуры взяты признаки погребального обряда, категории и типы погребального инвентаря характерные для ранних обрядовых групп погребений доно-волжской абашевской культуры. Анализ погребений могильников средневолжской абашевской культуры (прежде всего, Виловатовского II могильника) позволил выделить группу признаков погребального обряда и категории инвентаря, определяющих ранний период Виловатовского II могильника. Эти признаки характерны для достаточно широкого круга погребений средневолжской абашевской культуры. Погребения ориентированы по линии северо-запад – юго-восток и располагаются рядами по два и более погребений. Могильная яма, как правило, прямоугольной формы и имеет перекрытие из дерева. Погребенный находится в скорченном положении на спине, головой ориентирован на юго-восток. Часто использовалась береста для подстилки, а в могилах фиксируется наличие углей и иногда кости жертвенных животных. Наиболее часто встречаемая категория инвентаря в погребениях – керамика. Сосуды горшковидной формы с простым линейным орнаментом в виде резного горизонтального зигзага и резных или выполненных зубчатым штампом горизонтальных линий. Баночные сосуды сужаются ко дну и орнамента не имеют. Редко встречаются остросереберные сосуды с незначительно округлыми днищами. Из украшений найдены: браслеты с разомкнутыми концами полукруглые в сечении, серебряные височные подвески в полтора оборота, многовитковые кольца-спирали, составные головные украшения.

В хронологическом отношении ранний период средневолжской абашевской культуры соответствует горизонту погребений I и II обрядовых групп Подклетненского могильника (по А.Д. Пряжину и В.И. Беседину) или донской абашевской культуре (по А.Т. Синюку). **Развитый период.** Второй период средневолжской абашевской культуры определяется на ос-

нове выделения широкой культурной группы и типологического горизонта погребений с сосудами с геометрическим орнаментом. Анализ погребального обряда и инвентаря группы погребений с сосудами с геометрическим орнаментом позволяет выделить следующие закономерности. Все погребения одиночные за исключением погребения Досаевского кургана и погребения 6 кургана 9 Абашевского могильника, которые являются парными. Погребенные находились в скорченном положении на спине и только в двух погребениях Васюковского могильника погребенные лежали в скорченном положении на правом боку. Преобладает юго-восточная и восточная ориентировка головы погребенных. В погребениях, как правило, находится по одному сосуду и только в нескольких случаях было два и три сосуда. Преобладают сосуды острореберной формы. В одиннадцати погребениях обнаружены серебряные височные подвески в полтора оборота. Из украшений найдены также браслеты круглые, полукруглые, треугольные, овальный и желобчатый в сечении. Головные бронзовые многокомпонентные составные украшения на кожаной основе не встречаются. **Поздний период.** В основе выделения позднего периода средневожской абашевской культуры лежит II культурный комплекс Пепкинского кургана. Комплекс коллективного погребения Пепкинского кургана характеризуется следующими основными культурнозначимыми категориями инвентаря: наконечники стрел сейминского типа, набор меднолитейщика с керамической литейной формой вислообушного топора, костяные застёжки и колоколовидные сосуды с желобками. На основе этого комплекса выделяется культурная группа и типологический горизонт погребений. Эту группу погребений можно условно назвать: группа погребений с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел. Эти два артефакта взаимосвязаны. Коллективные погребения обнаружены в следующих могильниках: Абашевский могильник (курган V Б, погребение 1–7 костяков), Алгашинский могильник курган 12, погребения 2, 4 и 6, которые, вероятно, составляли одну большую коллективную могилу с 12 костяками, Староардатовский курган, Катергинский могильник (курган 2, погребение 1 – 3 костяка). Типологический горизонт коллективных погребений с сейминскими наконечниками стрел севера Среднего Поволжья синхронизируется с несколькими одиночными бескурганскими погребениями на стоянках Сахтыш II и Ульяново. Типологический горизонт культурной группы коллективных погребений с сейминскими наконечниками стрел средневожской абашевской культуры выводит на хронологический горизонт таких памятников как Турбино и Сейма, Филатовка и Власовка, Синташта и Потаповка.

§ 3. Средневожская абашевская культура и абашевская культурно-историческая общность. Большое значение для определения не толь-

ко хронологии средневожской абашевской культуры, но и ее соотношения с другими культурами эпохи бронзы Волго-Уралья имеет выяснение ее положения в абашевской культурно-исторической общности.

Своеобразие культурогенетических процессов, протекавших на Южном Урале, в Подонье и на севере Средней Волги в эпоху средней бронзы, создало и своеобразие абашевского погребального обряда в этих регионах. Различия в погребальном обряде между регионами могут объясняться не столько разными хронологическими позициями памятников, сколько разными составляющими культурогенеза на этих территориях и разной интенсивностью их протекания. Распределение характеристик в каждой региональной абашевской культуре является ажурным, т.е. в абашевской общности нет такой культуры, у которой был бы весь набор характеристик, присущих общности в целом. Абашевские племена, находясь в Волго-Сурском междуречье, поддерживали связи с другими регионами абашевской общности и осуществляли контроль над главной водной артерией края – Волгой. В Волго-Вятском междуречье происходит консервация основных признаков погребального обряда, но при этом происходит и отход от строгих канонов, и некоторое упрощение и стандартизация обряда. Решение проблем хронологии средневожской абашевской культуры является еще более сложным, чем для доно-вожского и южноуральского регионов общности. Но следует учитывать, что развитие общности не представляет собой простую линейно-последовательную модель: от западных, наиболее ранних памятников, к восточным, наиболее поздним.

К настоящему времени существует две основные гипотезы происхождения абашевской культуры или формирования абашевской культурно-исторической общности. В первой наиболее ранними считаются абашевские памятники донской лесостепи (А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев, В.И. Беседин и др. археологи, прежде всего, воронежской школы). Во второй гипотезе регионом формирования абашевской общности считается север Среднего Поволжья (В.С. Горбунов, О.В. Кузьмина, и др.).

Первый этап средневожской абашевской культуры соответствует раннеабашевским комплексам Подонья и в частности I обрядовой группе погребений Подклетненского могильника. Раннеабашевские признаки погребального обряда Подклетненского могильника широко известны в абашевских могильниках севера Среднего Поволжья. Раннеабашевские признаки обряда и категории инвентаря, отмеченные в Подклетненском могильнике, являются типичными для средневожских абашевцев. Одним из таких средневожских могильников, где наиболее часто фиксируется вся совокупность признаков ранних обрядовых групп Подклетненского могильника, является Виловатовский II могильник.

Второй этап или горизонт погребений с сосудами с геометрическим орнаментом и третий поздний период развития средневожской абашевской культуры соответствует III и IV обрядовым группам погребений Подклетненского могильника. Такие позднеабашевские могильники Средней Волги как Абашево, Алгаши, Катергино, Пепкино синхронизируются с абашевскими могильниками Подонья: Введенский и Кондрашовский курганы, Власовский и Филатовский могильники. Поздний этап развития средневожской абашевской культуры определяется горизонтом коллективных погребений с сейминскими наконечниками стрел.

Исходя из материалов абашевских могильников Орлово 1, Сенинские Дворики, Кухмарь, можно предположить, что в результате прохождения сейминце-турбинцев через Среднее Поволжье какая-то часть абашевцев была вытеснена в Волго-Окское междуречье и на Верхнюю Волгу.

Глава 4. Балановская и атликасинская культуры

Глава состоит из двух параграфов, в которой рассматриваются балановская и атликасинская культуры. Делается сравнительный анализ структурообразующих признаков этих культур. В главе также проводится корреляционный анализ балановской, атликасинской и абашевской культур.

§ 1. Балановская и атликасинская культуры и их положение в фатьяновско-балановской культурно-исторической общности. Рассматриваются балановские и атликасинские памятники. Основным памятником балановской культуры является Балановский могильник. Основой выделения балановской культуры и послужили главным образом материалы Балановского могильника. Анализ материалов Балановского могильника позволяет выделить ряд структурообразующих признаков для балановской культуры, которые почти полностью совпадают со структурообразующими признаками фатьяновской культуры. Определяется синхронность балановских и атликасинских комплексов. Нельзя не согласиться с П.М. Кожиним, что если какие-то памятники и отличаются в значительной степени от фатьяновских, то именно памятники типа Атликасы. Здесь мы наблюдаем не только существенные различия в керамике, прежде всего, в ее орнаментации, но и совершенно иные черты погребального обряда: и появление курганной насыпи, и захоронения на погребенной почве, и следы трупосожжения, и целый ряд других. Атликасинский курганный погребальный обряд отличается от балановского, прежде всего, наличием над погребениями или площадками курганной насыпи. Могильные ямы прямоугольной с округлыми углами формы. В двух случаях ямы овальной формы. Глубина могил – не более 35 см. В Синцовском и Мамалаевском курганах могильные ямы и костяки отсутствуют: по два сосуда находились на специально оформленных площадках, со следами кострищ и от-

дельных углей, вокруг площадок устроена канавка и невысокий барьер. Вероятно, П.М. Кожин прав, выделяя особую атликасинскую культуру.

Если принимать поэтапное развитие балановской культуры в Среднем Поволжье и считать атликасинский этап продолжением балановского этапа, то достаточно трудно объяснить резкую смену погребального обряда и переход к курганному обряду погребения с трупосожжением и обустройством специальных погребальных площадок. Такое резкое изменение погребальной обрядности могло возникнуть только при достаточно сильном инокультурном влиянии с изменением состава населения. Появление в Балановском могильнике погребений с атликасинскими чертами, вероятно, и есть такое влияние, только оно имеет противоположную направленность.

Характеризуя погребальный обряд, отмеченный в атликасинских курганах, следует указать на отсутствие определенных устоявшихся стандартов и на его большое разнообразие. Но, прежде всего, именно с памятниками типа Атликасы образуют единый типологический горизонт погребения с сосудами с геометрическим орнаментом развитого этапа средневожской абашевской культуры

§ 2. Соотношение балановской, атликасинской и абашевской культур. Приводятся свидетельства контактов фатьяновско-балановских племен с абашевскими. Свидетельством таких контактов является обнаружение примеси мышьяка в двух изделиях из Балановского и Трусовского могильников. Следует отметить, что подобная концентрация мышьяка (0,13%) встречена в медной пластине из Пепкинского кургана. Мышьяковистая медь широко встречается в памятниках абашевской общности от Урала до Подонья. В фатьяновской и балановской металлургии отсутствует использование мышьяковистой меди или бронзы. Появление изделий с примесью мышьяка в Трусовском и Балановском могильниках, вероятно, нужно связывать с абашевскими металлургическими стереотипами.

В фатьяновском могильнике Новинки 2 (калининская фатьяновская локальная группа) выявлен уникальный для фатьяновских могильников погребальный комплекс из двух перпендикулярно расположенных погребений со столбовой оградой из 7 столбов и следами кострищ. Могильные ямы ориентированы по линии юго-запад – северо-восток и северо-запад – юго-восток. Все эти черты не характерны для фатьяновцев. Перечисленные характеристики погребального обряда типичны для абашевских могильников, прежде всего, средневожского и донского регионов. В Ошурковском могильнике найден сосуд абашевской колоколовидной формы. В Досаевском 1 кургане, в парном погребении, совершенном по абашевскому погребальному обряду найдены фрагменты абашевского и балановского сосудов. Интересен сосуд из могильника у д. Марийская Лиса в Волго-Вятском междуречье. Сосуд шаровидной формы с высокой цилиндриче-

ской шейкой и его атликасинская принадлежность не вызывает сомнений. Однако орнаментальная композиция сосуда несколько отличается от типичной атликасинской орнаментации и состоит из трех зон: 1 – цепочка штрихованных треугольников вершинами вниз; 2 – ромбическая сетка; 3 – ряд из вертикально расположенных лесенок. Эти мотивы являются одними из наиболее характерных мотивов для средневолжской абашевской керамики. Следует отметить, что в таком сочетании эти мотивы не встречаются на абашевских сосудах. Как правило, каждый из этих мотивов встречается на сосудах по отдельности.

В могильнике Тебикасы в погребении 1 кургана 1, совершенному по абашевскому погребальному обряду найден сосуд шаровидной формы с короткой шейкой. По форме сосуд близок группе короткошейных шаровидных сосудов из Балановского могильника. В Уреньском фатьяновском могильнике найден сосуд не только аналогичной формы, но и имеющий орнаментальную композицию очень близкую композиции на сосуде из Тебикасы.

К абашевским проявлениям в балановской и атликасинской культурах можно отнести следующие факты. Во-первых, появление погребенных в положении «скорченно на спине» с юго-восточной ориентацией погребенного (Балановский могильник). Случаи положения погребенного скорченно на спине отмечены и в восьми фатьяновских могильниках московско-клязьминской и верхневолжской группы. Во-вторых, в погребениях Балановского могильника отмечены следы подсыпки дна могил. Отдельные абашевские проявления отмечаются в Чурачикском кургане: положение погребенного на спине, расчлененное захоронение. При этом следует отметить, что в керамике Чурачикский курган имеет типичные раннебалановские черты (по О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову), а геометризм, характерный для атликасинского орнамента отсутствует. Наличие в Чурачикском кургане литейных форм для отливки топоров и двух медных вислообушных топоров и определенная близость погребального обряда Чурачикского кургана абашевскому погребальному обряду подтверждает гипотезу В.И. Молодина и А.Д. Пряхина о стадийном характере распространения захоронений литейщиков в катакомбном мире, фатьяновской, доно-волжской абашевской, полтавкинской и кротовской культурах. К названной выше цепочке культур, вероятно, следует добавить и балановскую культуру. На Васильсурском поселении вместе с балановскими сосудами обнаружен маленький сосудик баночной формы, орнаментированный тремя резными горизонтальными параллельными линиями и лесенкой. Сосуды баночной формы не известны в фатьяновско-балановских памятниках, но широко встречаются в средневолжской абашевской культуре. В-третьих, можно отметить общие для абашевской, балановской и атликасинской по-

суды сложные геометрические композиции. Появление геометрического орнамента и солярной символики на сосудах конца развитого – начала позднего этапа средневолжской абашевской культуры – еще один аргумент в пользу ее определенной синхронности балановской и атликасинской культурам. В атликасинских курганах отмечается значительная роль огня, что также является одной из характерных черт абашевского погребального обряда. Можно отметить и совместное нахождение (в одном жилище Юринской стоянки) абашевской, балановской и атликасинской керамики. Два сосуда из Ошурковского и Кривцовского могильников, как отмечал Д.А. Крайнов, имеют колоколовидную форму и имеют аналогии в Абашевском могильнике. В абашевской культуре появление сосудов с округлым сферическим туловом, вероятно, следует связывать с балановским или атликасинским влиянием. Вызывает интерес и появление солярной символики на сосудах. Для сосудов памятников фатьяновско-балановской общности украшение днищ сосудов солярной символикой явление очень распространенное. Существуют десятки разнообразных солярных символов, украшающих дно сосудов этой общности. Практически, все эти символы по композиции и технике нанесения орнамента различаются и не повторяются. В средневолжской абашевской культуре также существует небольшая группа сосудов с солярной символикой на днищах. Всего известно 8 сосудов из 5 могильников: Алгашинского (2), Виловатовского II (2), Тюрлемского (1) могильников, Пепкинского кургана (1) и Пеленгерского I могильника (2). Интерес представляет следующий аспект рассматриваемого вопроса. Все сосуды с солярной символикой за исключением сосуда из погребения 1 кургана 12 Виловатовского II могильника происходят из позднеабашевских погребальных комплексов. Отмечается и определенное влияние племен фатьяновско-балановской общности на формирование абашевских сосудов (появление округлого тулова с выраженными плечиками). Все выше перечисленные черты характерны для позднеабашевских комплексов, синхронных коллективным погребениям Пепкино, Абашево и Алгашей.

О синхронизации катакомбных материалов с древностями фатьяновско-балановской общности свидетельствует балановский сосуд из катакомбного погребения II Богучаровского могильника. Время контактов катакомбной общности и фатьяновско-балановской определяется раннедонецким временем и развитым донецким периодом среднедонской катакомбной культуры. В абсолютных датах – это первая четверть II тыс. до н.э.

Отсутствие более значимых следов контактов или взаимовлияний средневолжских балановской, атликасинской и абашевской культур объясняется, во-первых, тем, что культуры, входившие в структурированные

системы КИО, находились примерно на одинаковом уровне развития. В обеих КИО не отмечаются какие-то явные, значительные влияния других культур. Их закрытость объясняется необходимостью сохранения структуры и целостности системы, а всякое включение в систему чужеродных элементов вело к потере устойчивости системы и к ее разрушению. Новые влияния включались в культуру в уже переработанном виде. Во-вторых, контакты между культурами происходили на пике их развития, когда структура культуры наименее подвержена каким-либо влияниям. Весь потенциал культуры направлен на осуществление и поддержание центростремительных сил с целью укрепления и сохранения КИО, как системы, обеспечивающей развитие как самой КИО, так и входящих в нее региональных культур.

Глава 5. Чирковская культура.

Глава состоит из двух параграфов и посвящена определению структурообразующих признаков чирковской культуры и чирковско-сейминской проблеме. В главе также анализируются памятники т.н. «выжумского типа».

§ 1. Чирковские культура и ее структурообразующие признаки.

Анализируются материалы чирковской культуры. Первоначально А.Х. Халиковым была выделена керамика чирковского типа, а понятие чирковский тип керамики было автоматически перенесено на все поселения, где была встречена керамика этого типа. Эти поселения были объединены в чирковскую культуру, к которой присоединялись и сейминско-турбинские могильники. Культура получала заверченный вид: чирковские поселения были связаны с сейминскими могильниками. Чирковская культура была выделена на основе памятников с разнотипными керамическими комплексами. Связь чирковских поселенческих керамических комплексов с Сейминским могильником была определена по керамическому материалу Сейминской дюны. Одной из главных целей выделения чирковской культуры являлась попытка связать материалы поселений эпохи бронзы Нижнего Прикамья и лесной полосы Среднего Поволжья с Сейминским могильником.

Все коллекции керамики чирковских поселений представлены смешанными волосовскими, балановскими, атликасинскими материалами, керамикой с валиком и «змейкой», чирковской керамикой. При этом нельзя исключать, что определенная группа чирковской керамики и керамика со «змейкой» представляет единый культурный комплекс с «валиковой» керамикой. На чирковских поселениях нет каких-либо только для них характерных жилых построек, да и вообще каких-либо объектов. Для ранних этапов чирковской культуры выделяется два типа построек: полуземлянки, соединенные переходами и наземные сооружения. Первый тип построек характерен для волосовских племен, а второй не встречается в местных

культурах эпохи раннего металла, но зато хорошо представлен на фатьяновско-балановских поселениях. Нет и фактов, свидетельствующих о наличии каких-то признаков металлообработки на «чистых» чирковских поселениях, за исключением двух шильев и медной пластинки на Чирковской стоянке. Понятия «чирковский памятник» и «чирковская культура» можно свести к понятию «керамика чирковского типа». Вся коллекция чирковской посуды с памятников, относящихся к «органически единой культуре» насчитывает: Чирковская стоянка (24 сосуда), Ройский шихан (не более 10 сосудов), Макарьевское (около 20 сосудов) и Носельское (около 20 сосудов). Следует отметить, что в эту же группы включены и сосуды с волнистым валиком, которые составляют примерно не менее одной пятой от всей посуды. Своеобразие чирковской керамики определяется, прежде всего, ее орнаментальными композициями с «пышным» орнаментом из штрихованных треугольников, зигзагов, выполненных мелкозубчатым штампом и не в последнюю очередь керамикой со «змеей» или волнистым валиком, который является ярким признаком посуды кротовской культуры.

Признавая три компонента в сложении чирковской культуры: волосовский, балановский и культуры с «валиковой» керамикой, следует признать, что образование чирковской культуры не могло произойти раньше появления в лесной зоне Среднего Поволжья сейминско-турбинских племен. Считается, что участие «валикового» компонента в сложении чирковской культуры необходимо связывать с сейминско-турбинскими племенами (А.Х. Халиков). Все это дает основание говорить о хронологическом сосуществовании балановской культуры с сейминско-турбинскими племенами. Исходя из хронологии чирковской культуры, следует, что появление балановских племен на севере Среднего Поволжья происходит не ранее первой четверти II тыс. до н.э., а само существование балановской культуры, исходя из традиционных датировок западных сейминско-турбинских могильников, должно доходить до середины II тыс. до н.э.

В так называемой чирковской культуре фиксируется процесс контактов и взаимовлияний волосовской, балановской, атликасинской культур и культуры «валиковой» керамики. И если чирковская культура является результатом синкретизма этих культур, то ее оформление необходимо отнести к постсейминскому времени, к эпохе поздней бронзы. В материалах средневожских волосовских памятников начального периода ЭРМ фиксируются лишь контакты волосовской, балановской и атликасинской культур в предсейминское время и включение в этот процесс культуры «валиковой» керамики в сейминское время, но нет свидетельств результата этих контактов. Можно выделить произвольное число состояний и стадий, дать им определения и наделить признаками, но нельзя при этом так-

сономически уравнивать эти стадии с конечным результатом процесса (А.И. Кузнецов). Можно согласиться с выделением чирковской культуры только в одном случае, если рассматривать чирковскую археологическую культуру как инструмент исследования.

Таким образом, есть веские основания утверждать, что памятники с чирковской керамикой отражают лишь контакты, определенное взаимодействие племен различных культурных традиций в лесной зоне Среднего Поволжья. На раннем этапе это контакты поздневолосовского и балановско-атликасинского населения. В результате этих контактов появляется гибридная керамика, включившая в себя черты посуды этих культур, что, прежде всего, фиксируется в орнаментации и формах сосудов. Процент такой керамики на поселениях незначительный. Позднее в эти процессы включаются сейминско-турбинские племена, с которыми, вероятно, связываются комплексы керамики с валиком и «змейкой», но завершения эти процессы в образовании новой культуры не получили. И поэтому, определяя структурообразующие признаки чирковской культуры, нельзя выделить ничего кроме керамики. Да и выделяя чирковскую керамику, в большинстве случаев, отмечается ее гибридность. Нельзя назвать и ни одного могильника чирковской культуры. Связь памятников чирковского типа с сейминско-турбинскими могильниками прослеживается по комплексам керамики с валиком и «змейкой».

§ 2. Чирковско-сейминская проблема. Рассматривается чирковско-сейминская проблема, а также выделение в лесной полосе Среднего Поволжья, т.н. поселений «выжумского типа» или «выжумского культурного типа». Чирковско-сейминская проблема является одной из наиболее важных при решении вопросов культурогенеза региона эпохи средней бронзы. Не случайно М. Гимбутас называет Бородинский клад, Сейминский могильник и аналогичные им памятники ключом к хронологии эпохи бронзы Восточной Европы.

Чирковско-сейминская проблема рассматривается как состоящая из трех частей. Во-первых, определяется, что же такое собственно чирковская культура, и какова культурная принадлежность комплексов керамики с валиком и «змейкой». Во-вторых, выясняется соотношение западных сейминско-турбинских памятников (Юрино, Сейма, Решное) со средне-волжской абашевской культурой. И, в-третьих, определяется хронологическое соотношение балановской и атликасинской культур и западных памятников сейминско-турбинского феномена. Традиционная ранняя дата балановской культуры входит в противоречие с датировкой западных сейминско-турбинских памятников.

Существует гипотеза о связи сейминско-турбинских бронз с «валиковой» керамикой (В.Ф. Генинг, А. Х. Халиков). Керамика с валиком встре-

чается как на Юринской, так и на Чирковской стоянках, известны на них также и фрагменты абашевской керамики. Жилища Юринской стоянки с поздневолосовской, балановско-атликасинской, абашевской и «валиковой» керамикой считаются хронологически едиными бытовыми комплексами (Никитин В.В., Соловьев Б.С.).

В настоящее время так же как осуществлялось конструирование чирковской культуры, происходит выделение нового «выжумского культурного типа памятников». Рассматривая финал волосовских древностей в Среднем Поволжье и формирование чирковской культуры, Б.С. Соловьев анализирует четыре поселения: Удельный Шумец VII, Нижняя стрелка IV, Галанкина Гора и Юринская стоянка. Характеризуя материалы памятников так называемого «выжумского типа» следует отметить, что их жилища не отличаются от средневолжских волосовских жилищ. То же относится и к каменному инвентарю. И даже отличительные черты керамики «выжумского типа» полностью совпадают с характеристиками волосовской керамики позднего периода волосовской культуры или керамике переходного периода (по В.В. Никитину). Л.С. Клейн справедливо отмечает, что еще недавно в археологической науке понятие тип относилось к фундаментальным ключевым понятиям и занимало среднее место в трехчленном ряду: «признак» – «тип» – «культура». Поэтому нет ничего удивительного, что без всякой дополнительной аргументации, в той же самой работе, где впервые вводится понятие керамика «выжумского» типа появляется новое понятие поселения «выжумского» типа. К поселениям «выжумского» типа Б.С. Соловьевым отнесено девять поселений (раскопки проводились только на 5 поселениях). Но любопытным является то, что к памятникам «выжумского» типа не отнесено ни одно поселение, на которых первоначально была выделена «аборигенная» керамика, оказавшаяся в дальнейшем керамикой «выжумского» типа.

В чем же заключается логика выделения поселений «выжумского» типа? Без выделения поселений «выжумского» типа, а в дальнейшем «выжумского культурного типа» трудно отнести волосовские энеолитические поселения к раннебронзовой стадии эпохи раннего металла. Нет возражений по поводу отнесения поздневолосовских поселений к началу эпохи раннего металла, но никак не к раннему бронзовому веку, в классическом понимании этого термина.

Конец развитого – начало позднего этапа средневолжской абашевской культуры синхронизируется с западными сейминско-турбинскими памятниками. Косвенным подтверждением этому является и существование в Волго-Окском междуречье абашевских могильников, материалы которых находят самые близкие аналогии в абашевских могильниках Волго-Вятского междуречья (Пеленгер I и др.). Абашевские могильники Волго-

Вятского междуречья, в целом, относятся к позднему этапу развития абашевской культуры на Средней Волге.

На Чирковской стоянке встречены черешковые наконечники с шипами сейминского типа. Серия подобных наконечников найдена и на Кубашевском поселении, где также есть керамика со «змейкой» и валиком, обнаружена здесь и балановская керамика с орнаментом атликасинского типа. Сейминские наконечники стрел найдены на Васильсурском V поселении и на Юринской стоянке. На Юринской стоянке, как уже отмечалось, найдены также фрагменты от нескольких абашевских сосудов. Наконечники с треугольным черешком и пером, с боковыми шипами встречаются на большинстве памятников, где есть керамика с валиком и «змейкой». На некоторых из них найдена также поздневолоховская и балановская керамика, но есть веские основания связывать наконечники стрел сейминского типа именно с керамикой со «змейкой» и валиком. Наконечники с треугольным черешком и шипами сейминского типа встречаются на памятниках кротовской культуры Прииртышья, где они найдены вместе с керамикой со «змейкой» и валиком. Это такие поселения как Инберень X, Черноозерье IV и VI. Н.К. Стефанова отмечает близость черешковых наконечников кротовской культуры наконечникам из Пепкинского кургана. На поселении Инберень X найдена также очевидная подвеска абашевского типа. Один наконечник стрелы сейминского типа известен в Атликасинском кургане, этот наконечник стрелы имеет обломанные черешок и острие. Вероятно, здесь мы имеем дело с таким же фактом, как и в Пепкинском кургане, где наконечники стрел не принадлежали погребенным. Этими наконечниками они были убиты. Наличие абашевской керамики совместно с перечисленными выше артефактами (на Юринской и Чирковской стоянках) не является чем-то особенным, если учесть, что в момент прохождения сейминских племен через Среднее Поволжье часть средне-волжского абашевского населения была включена в это движение. А к моменту появления сейминско-турбинских племен на Средней Оке абашевцы, возможно, уже являлись одной из основных групп в сейминско-турбинском движении. Об этом могут свидетельствовать как могильник Решное и абашевская керамика в нем, так и «сейминские» наконечники копий в абашевских курганах донского бассейна.

Появление абашевских коллективных погребений с сейминскими наконечниками стрел, вероятно, связано с сейминско-турбинской экспансией на север Среднего Поволжья. Есть все основания считать, что в лесной полосе Среднего Поволжья абашевская, балановская, атликасинская культуры (на определенных этапах развития), а также западные сейминско-турбинские памятники сосуществуют в абсолютном времени.

Глава 6. Мифологическое мировоззрение и культовая практика населения лесной полосы Среднего Поволжья.

Выделение специальной главы, посвященной мировоззрению и культовой практике населения региона, основывается на том, что культурогенетические процессы охватывают не только экономическую сторону развития древнего общества, но и идеологическую, что находит выражение в мировоззренческих установках и моделях.

§ 1. Семантика орнамента и культовых предметов. Ретроспективный анализ искусства от современности до его фиксируемого возникновения в палеолите дает возможность отметить две его главных тенденции или направления развития. Первое направление связано с «натуральным творчеством» и второе – «знаковое творчество» (по А.Д. Столяру). Первое направление («натуральное творчество») хорошо фиксируется в средне-волжской волосовской культуре. Уже на раннем этапе культуры появляются, а затем существуют на всем протяжении развития культуры три основных зооморфных изображения-образа. Они передаются фигурками из керамики, кремня и других пород камня, а также рисунками на сосудах медведя, водоплавающей птицы (утки) и лося (олени). Для абашевской, балановской и атликасинской культур характерно «знаковое творчество». В этих культурах выделяется группа сосудов со знаками-символами

Анализ семантической функции орнамента позволяет выделить несколько основных его составляющих. Во-первых, это воспроизводство подмеченных в природе признаков и форм (имитационное начало). Во-вторых, обобщение наблюдений за порядком и ходом событий (ритмическая основа). И, в-третьих, абстрагирующая и идеографическая основа – осознание важных законов, управляющих природой и жизнью человеческих коллективов. Эти три основных части, составляющие единство семантической функции орнамента, характеризуют три этапа в развитии орнаментального или «знакового творчества»: подражание, обобщение и определение закономерностей. В знаковом творчестве на первых двух этапах изображения знаков-символов являются отражением реальных объектов и образов. Зооморфные изображения на волосовской керамике как раз характеризуют эти два этапа. Солярная символика на абашевских, балановских и атликасинских сосудах отражает момент перехода племен к третьему этапу в развитии орнаментального творчества. При переходе к определению закономерностей, законов, управляющих природой и жизнью человека, знаки-символы выражают уже не только реальные объекты и образы окружающего мира, но и являются отражением психической деятельности человека, продуктом его мифотворчества. Орнаментальное творчество абашевских племен характеризуется достижением ими третьего эта-

па, когда в орнаментальных композициях получает выражение мифологическая модель мира.

Следует отметить, что на сосудах из средневолжского абашевского могильника Пеленгер I встречены интересные орнаментальные композиции, состоящие из трех зон орнамента. Первая зона орнамента представлена цепочкой штрихованных ромбов. Изображение змеи в виде цепочки ромбов не вызывает удивления хотя бы потому, что этот рисунок известен у некоторых разновидностей змей. Вторая зона орнамента состоит из двенадцати символов, в которой четыре различных символа повторяются по три раза. Этот орнаментальный пояс, возможно, символизирует земной мир с цикличной сменой времен года. Третья орнаментальная зона состоит из горизонтального ряда кругов и полукруга, также образованного кругами с отходящими от них линиями – лучами. Эта зона может символизировать небесную сферу с движением солнца от горизонта к зениту и вновь к горизонту. Подобная композиция отмечена и на еще одном сосуде из Пеленгерского I могильника.

Использование знаков-символов в орнаментации сосудов, в том числе и солярных символов – свидетельство достаточно высокого уровня развития мировоззрения у населения эпохи бронзы Среднего Поволжья. На этом уровне развития фигура-символ в орнаменте посуды является не только украшением, но и способом кодировки и передачи социально-значимой информации.

Таким образом, анализ культовых предметов и орнаментальных композиций сосудов волосовской, абашевской, балановской и атликасинской культур позволил выделить группу зооморфных изображений-образов и группу сосудов со знаками-символами. Волосовская культура охотников и рыболовов характеризуется существованием у них зооморфных культов непосредственно связанных с их экономико-социальной моделью. Племена абашевской, балановской и атликасинской культур хорошо знакомые с производящим хозяйством и, имеющие более сложную экономическую и социальную организацию общества, соответственно имеют другие мировоззренческие ориентиры. В этих культурах знаки-символы отражают как реальные объекты природы и мира (знаки змей, поля и земли), так и являются продуктом мифотворчества древнего населения. Трехчастная структура орнаментального поля показывает наличие у племен эпохи бронзы Среднего Поволжья мифологической модели мироздания. Эта модель выражается в делении мира на три сферы: нижний, средний и верхний миры. Каждой сфере соответствует свой знак-символ или код. Нижний мир – «знак змеи», средний мир – «знак поля и земли» и верхний мир – «солярный символ». Космограмма (по Е.В. Антоновой и А.С. Раевскому) пред-

ставлена тремя различными кодами: зоологическим, географическим и космологическим.

§ 2. Мифологическое мировоззрение и культовая практика. Выделяется три категории культовых памятников. Первая категория – зооморфная, орнитоморфная и антропоморфная скульптура и изображения. При этом следует отметить, что зооморфная, орнитоморфная и антропоморфная скульптура и изображения присутствуют и во второй, и в третьей категории памятников. Здесь же следует упомянуть и об отдельных орнаментальных композициях на сосудах, имеющих культовую семантику. Вторую позицию занимают культовые комплексы и объекты (очаги, ритуальные площадки и постройки на поселениях), входящие составной частью в более сложные археологические памятники. Третье – могильники, во всем многообразии погребальных сооружений и ритуально-поминальных комплексов. Анализ этих памятников позволяет в определенной степени осуществить реконструкцию мифологической картины мира и определить основные культы населения лесной полосы Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы.

В средневожской волосовской культуре отмечается наличие первых двух категорий культовых памятников. Уже на раннем этапе культуры появляются, а затем существуют на всем протяжении развития культуры три основных зооморфных изображения-образа: медведя, водоплавающей птицы (утки) и лося (олени). В это же время на поселениях появляются культовые объекты: очаги, ритуальные площадки и постройки. На Майданской стоянке были найдены черепа лосей, помещенные в отдельные специальные ямы, которые находились либо рядом с выходом из жилища, либо в самом выходе. Челюсти и зубы лося найдены рядом с выходом из жилища Мазарского I поселения. К культовым объектам Мольбищенского III поселения относятся ямы в жилище № 1 и № 3, в которых найдены две фигурки медведя, фигурка женщины, изображение лося на фрагменте керамики и фигурка уточки. С течением времени, культовые объекты из жилищ стали перемещаться на отдельные площадки вблизи жилищ, а позднее стали занимать и отдельные постройки на поселениях. На поселении Галанкина Гора появляется культовый объект в виде отдельной постройки, расположенной в центре поселения и соединенной переходами, практически, со всеми жилищами поселения. В этой постройке, в самом центре, находился один очаг. Пол постройки, ограниченный системой столбов, покрыт мощной углистой прослойкой и сильно прокален. В очажной яме вместе со жжеными костями животных найдена ритуальная ладьевидная чаша с зооморфным налетом (вероятно, голова медведя). Еще один сосуд ладьевидной формы, украшенный валиками и орнаментированными ручками найден на полу постройки, рядом с очагом.

Усложнение социальной организации общества, вызванное новым экономическим укладом, формирует и новые идеологические представления о мире. Выйдя из полного подчинения природе, человек пытается найти формы воздействия на нее не только экономические, но и идеологические. Именно для этого он создает модель мироздания. С появлением племен абашевской, балановской и атликасинской культур происходят изменения и в мировоззрении, и в культовой практике населения региона. В материалах памятников этих культур не встречаются зооморфные изображения, что, вероятно, свидетельствует о постепенной замене у населения региона некоторых культовых ритуалов, связанных, в первую очередь, с охотничьей магией. В балановской и атликасинской культурах одним из основных является солярный культ. У абашевцев Средней Волги существовали три основных культа: солярный культ, культ огня и культ мертвых. Уже в этот период формируется трихотомическая модель мироздания: подземный, земной и небесный миры. Свидетельством наличия у абашевцев трихотомической модели мироздания является существование у них развитого погребального обряда с положением умершего в могильную яму и созданием курганной насыпи. Здесь фиксируются все три мира: подземный мир с погребенным в могильной яме; мир земной на уровне погребенной почвы со следами жертвоприношений: кости животных, керамика, кремневые орудия и мир небесный – сама полусфера кургана.

Переход умершего в загробный мир, по всей видимости, в большой степени связан с культом огня, который часто и хорошо фиксируется в абашевском погребальном обряде. Значительную роль огня в погребальном обряде абашевцев неоднократно отмечали исследователи абашевских курганов. Вероятно, существуют две основные причины, объясняющие широкое использование огня абашевскими племенами.

Во-первых, огонь мог использоваться в обряде очищения места захоронения. Обряд очищения огнем хорошо известен в индоиранских верованиях со II тыс. до н.э. В четвертой книге Авесты – книге Яшт находим частое упоминание об Арте – духе огня, лучшего распорядка и правды – помощнике «Владыки всеведущего», бога неба, света и добра. С именем Арты связаны обряды освящения и очищения: «...стад покровительницу, Артой освященную». С обрядом очищения места погребения, видимо, связано наличие костров и углей на погребенной почве и угольков в засыпи могил. Во-вторых, огонь мог использоваться и при передаче жертвоприношений от живых умершему. Передача жертвоприношений посредством огня – один из способов, известный с глубокой древности у многих народов.

Наличие костров, столбовых ям, костей животных и различных находок на погребенной почве свидетельствует о существовании у абашевских племен сложного поминального ритуала. А в целом, вся совокупность

сложного погребального обряда абашевцев – свидетельство существования у них культа мертвых. Культ мертвых у абашевцев говорит о наличии у них одной из первых и фундаментальных космологических моделей – модели Потустороннего царства. Еще одной яркой чертой погребального обряда, свидетельствующей об определенных приоритетах в их мировоззрении, является наличие богатых (по украшениям из металла) женских погребений. Женские погребения с украшениями – наиболее металлоемкие погребения. Что это? Свидетельство особой роли женщины в абашевском обществе? Существование женщин – шаманов или что-то иное? Во всяком случае, исходя из погребального инвентаря женских погребений, можно предположить достаточно высокое социальное положение женщины в абашевском обществе. Затраты металла и производственного времени на изготовление женских украшений довольно значительны.

В богатом женском погребении Виловатовского II могильника, совершенном по абашевскому погребальному обряду, обнаружены многочисленные медные украшения на кожаных лентах, сосуд, три браслета (один в серебряной обкладке) и шило. Вызывает интерес, и отсутствие лицевой части черепа и верхней челюсти у погребенной рассматриваемого погребения. На черепе зафиксирован ровный срез по фронтальной плоскости. Возникает вопрос: для чего была взята лицевая часть черепа? Вероятнее всего, для создания посмертной маски. Изготовление масок из лицевой части черепа известно в гальштатских и кельтских древностях Европы. Учитывая особый состав погребального инвентаря определенной группы женских погребений средневолжских абашевских курганов (наличие шилев, многокомпонентных медных украшений на кожаных лентах) и специфические черты обряда, можно предположить, что культовая практика в абашевском обществе осуществлялась женщинами. Этим, вероятно, и определяется высокий социальный статус женщин, судя по погребальному инвентарю отдельной группы женских погребений.

В мировоззренческой модели мира населения Среднего Поволжья эпохи средней бронзы одним из основных культов являлся культ мертвых, который был направлен на продолжение жизни умершего на социальном уровне. Выделение нескольких групп погребений, как по обряду, так и по составу инвентаря указывает на существование определенной стратификации общества. Население региона находилось у истоков создания искусственного мира – Мира Мертвых, первой и одной из самых фундаментальных моделей – модели. Того Света – Потустороннего царства. Появление знака-символа в орнаментации посуды как инструмента кодирования, сохранения и передачи информации подтверждает возникновение определенной группы населения или касты посвященных, хранителей древних знаний.

Заключение

В заключении делаются основные выводы, которые сводятся к следующему. Существование волосовской культуры в лесной полосе Среднего Поволжья в абсолютной хронологии совпадает с существованием в степной зоне Восточной Европы скотоводческих и земледельческих культур энеолита и раннего бронзового века. Процесс перехода местных племен охотников и рыболовов волосовской культуры к началу эпохи раннего металла осуществляется в результате переселения сюда скотоводческих племен с традициями эпохи развитой бронзы. В Среднем Поволжье на одной территории сосуществуют племена различных культуругенетических традиций: поздневолосовские, балановские, атликасинские и абашевские. Наряду с местными племенами средневолжской волосовской культуры в культуругенезе лесной зоны Среднего Поволжья участвуют и пришлые племена абашевской, балановской и атликасинской культур, а на заключительном этапе культуругенеза конца средней бронзы в этот процесс включаются и сейминско-турбинское население.

Как справедливо отмечает А.Т. Синюк, природно-географическая среда является одним из элементов, входящим в качестве компонента в систему факторов, определяющих хронологию и периодизацию этапов древней истории и культуругенетических процессов. Одной из основных причин появления на севере Среднего Поволжья племен, хозяйство которых необходимо связывать с лесостепным ландшафтом, и явилось, по-видимому, изменение климата и значительное смещение к северу лесостепной зоны в эпоху бронзы.

Абашевские племена проникают в лесную зону Среднего Поволжья на раннем этапе развития абашевской культурно-исторической общности. Вероятно, их исходным регионом являлось лесостепное Подонье. Верховья р. Сура подходят вплотную к притокам Дона: р. Воронеж, Хопер и др. Цепочка абашевских памятников тянется от Подонья по р. Сура к Среднему Поволжью. Раннеабашевские погребальные комплексы Подонья (I и II обрядовые группы погребений Подклетненского могильника) наиболее близки ранним погребальным комплексам Виловатовского II могильника. Первоначально абашевцы осваивают наиболее удобное для их хозяйственной модели Волго-Сурское междуречье. Абашевские могильники располагаются в непосредственной близости от Волги (не более 5–10 км). В это время абашевцы, очевидно, контролируют главную водную артерию региона – Волгу и Правобережье Среднего Поволжья от р. Сура до р. Свияга. Сначала абашевцы существуют только в Правобережье Волги, но постепенно проникают и в глубинные районы Волго-Вятского междуречья. На развитом этапе абашевцы продолжают контролировать Волгу. Для этого периода развития абашевской культуры выделяется типолого-

хронологический горизонт погребений с сосудами с геометрическим орнаментом. Горизонт этих погребений совпадает с существованием в Среднем Поволжье атликасинских памятников, в которых также достаточно четко выделяется группа погребений с сосудами с геометрическим орнаментом.

В период появления в лесной полосе Среднего Поволжья балановского и атликасинского населения территория Правобережья Волги, от р. Сура до р. Свияга была занята абашевским населением. И фатьяновско-балановские и атликасинские племена, дойдя до устья Суры, были вынуждены переправиться на левый берег Волги. Наиболее достоверны контакты средневолжской волосовской культуры с балановскими и атликасинскими племенами. Ранние контакты этих культур фиксируются, в основном, в приустьевой части р. Ветлуга, в Левобережье Волги. На таких поселениях как Нижняя Стрелка IV и Удельный Шумец VII в волосовских жилищах-полуземлянках вместе с поздней волосовской керамикой найдена балановская и атликасинская керамика. В результате контактов местных волосовских племен и пришлых балановско-атликасинских в приустьевой части Ветлуги начинает складываться новое симбиозное образование: основой этого образования являются местные волосовские племена, перенимающие более передовые хозяйственно-социальные формы пришельцев – балановцев и атликасинцев. Свидетельством преобладания в этом образовании волосовского компонента является продолжение традиций волосовского домостроительства и организации пространства поселений. Но при этом следует отметить, что здесь фиксируется лишь самое начало перехода местных племен к новым формам хозяйства и новой социальной организации. Все эти процессы начинаются в период развитого этапа волосовской культуры и достигают своего максимума на завершающем этапе развития культуры. Поздний этап развития абашевской культуры в Среднем Поволжье характеризуется появлением коллективных погребений с сейминскими наконечниками стрел. Этот этап определяет и типологический горизонт погребений металлургов в фатьяновской, атликасинской и абашевской культурах. По времени он совпадает с появлением на Средней Волге сейминско-турбинских племен. Сейминское время в лесной зоне Среднего Поволжья определяется такими памятниками как Сейминский и Юринский могильники, а также комплексами керамики с валиком и «змейкой» на волосовско-балановских или чирковских поселениях. Керамику с валиком и «змейкой» есть основания связывать с кротовской культурой. Под давлением сейминско-турбинских племен основная часть населения абашевской, балановской и атликасинской культур покидают Среднее Поволжье и уходят в Волго-Окское междуречье и на Верхнюю Волгу. Часть абашевцев была включена в сейминско-турбинское движе-

ние (могильник Решное). Небольшие группы абашевцев, балановцев и атликасинцев, вероятно, остались на Средней Волге и были вынуждены занять глубинные районы Волго-Вятского междуречья с выходом на Вятку. Но они уже не играли сколько-либо значительной роли в культурогенезе средневолжского региона.

Таким образом, природно-климатические условия, существовавшие на севере Среднего Поволжья в III тыс. до н.э., определили хозяйственно-социальную организацию местных племен. Южная окраина лесной зоны явилась периферией большой волосовской культурно-исторической общности. Основой хозяйства средневолжских волосовских племен являлись рыболовство и охота. На рубеже III–II тыс. до н.э., вероятно, произошли катастрофические изменения климата, приведшие к сильной засухе. Это вызвало миграцию племен из степной – лесостепной зоны на границу леса. Одной из культур, которая заняла подходящую для ее экономической модели экологическую нишу на границе леса и лесостепи явилась абашевская культура. Примерно в этот же период в Среднее Поволжье проникают балановские и атликасинские племена, занявшие восточную окраину территории фатьяновско-балановской общности. Проникновение на территорию охотников и рыболовов скотоводческих племен хорошо знакомых с металлообработкой привело к значительным изменениям хозяйственной модели местных племен. Этим временем фиксируется переход местных племен к эпохе раннего металла.

Анализ культур среднего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья (по периодизации культур лесостепной зоны Евразии) показал неравномерность развития археологических культур на границе леса и лесостепи. Местные племена охотников и рыболовов волосовской общности на севере Среднего Поволжья вступили в новую эпоху в результате продвижения на их территории скотоводческих племен хорошо знакомых с металлообработкой, и по своему хозяйственно-культурному типу относящихся к эпохе бронзы. С приходом балановского, атликасинского и абашевского населения местные племена на севере Среднего Поволжья вступают в новую эпоху – эпоху раннего металла. Средневолжские волосовские племена знакомятся с новой технологией: металлообработкой. Появление здесь племен более высокого уровня развития нельзя назвать эпизодическим, но при этом консерватизм в экономическом развитии региона сохранялся. С одной стороны, это определялось природно-климатическими условиями, существовавшими в регионе. А с другой стороны, традиции, складывающиеся веками, не позволяли осуществить резкий переход к хозяйству нового типа.

В эпоху раннего металла развитие культур имело скачкообразный характер (Е.Н. Черных), своего максимума развитие культур с производящей

экономикой на территории Евразии достигает к концу позднебронзового века. Этот процесс характерен и для севера Среднего Поволжья. Первые шаги в становлении экономики производящего типа у местного населения региона связаны с появлением здесь абашевских, балановских и атликасинских племен. В этот период закладывались основы новой экономико-социальной организации населения севера Среднего Поволжья.

В эпоху средней бронзы в лесной зоне Среднего Поволжья, практически, на одной территории сосуществуют племена различных культурогенетических традиций: поздневолосовские, балановские, атликасинские и абашевские. Культурогенетические процессы в лесной зоне Среднего Поволжья носят дискретный характер. В этом регионе в среднем бронзовом веке не происходят процессы, связанные с формированием новых культурных образований. Новые стандарты и технологии бронзового века приносятся на эти территории более развитыми племенами. Племенами, которые либо выходят из лесостепной зоны, либо связаны с ней определенными традициями.

**Основные положения и выводы диссертации изложены
в следующих публикациях (общий авторский вклад 76,5 п.л.):**

а) Публикации в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Большов С.В. Проблемы культурогенеза средней бронзы лесной полосы Среднего Поволжья / С.В. Большов // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 9, № 2, апрель – июль, 2007. – Археология. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. – С. 509–514. (авторский вклад 0,7 п.л.).

2. Большов С.В. Культурные связи средневолжского, верхневолжского и волго-окского регионов / С.В. Большов // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 10, № 1, январь – март, 2008. – Археология. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. – С. 237–243. (авторский вклад 0,7 п.л.).

3. Большов С.В. Относительная хронология средневолжской абашевской культуры / С.В. Большов // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 10, № 4, октябрь – декабрь, 2008. – Археология. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. – С. 1265–1269. (авторский вклад 0,6 п.л.).

4. Большов С.В. Семантическая функция абашевского орнамента / С.В. Большов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11, № 6, 2009. – Археология и этнография. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. – С. 296–299. (авторский вклад 0,5 п.л.).

5. Большов С.В. Лес и степь: к проблеме контактов населения различного хозяйственно-культурного типа (на примере археологических культур неолита – бронзы севера Среднего Поволжья) / С.В. Большов // Научно-теоретический журнал. Научные проблемы гуманитарных исследований. –

Выпуск 5, 2010. – Пятигорск: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. – С. 5–11. (авторский вклад 0,7 п.л.).

6. Большов С.В. К вопросу о фатьяновско-балановской культурно-исторической общности / С.В. Большов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3. С. 3–11. (авторский вклад 0,7 п.л.).

7. Большов С.В. Керамика с геометрическим орнаментом и солярной символикой культур эпохи бронзы Чувашско-Марийского Поволжья / С.В. Большов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 7–11. (авторский вклад 0,4 п.л.).

8. Большов С.В. История полевых исследований абашевской культуры в Среднем Поволжье / С.В. Большов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 3–8. (авторский вклад 0,4 п.л.).

б) Публикации в иных изданиях:

Монографии:

9. Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) / С.В. Большов. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2003. – 180 с., ил. (авторский вклад 19,3 п.л.).

10. Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тысячелетия до н.э.) / С.В. Большов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 232 с., ил. (авторский вклад 18,7 п.л.).

11. Большов С.В. Древние культовые памятники Марий Эл (по археологическим, этнографическим, фольклорным и историческим источникам) / С.В. Большов, Н.А. Большова, О.В. Данилов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. – 163 с. (авторский вклад 7,0 п.л.).

12. Большов С.В. В гостях у наших предков: Учеб. пособие / С.В. Большов, А.М. Юзыкайн – Йошкар-Ола, 2001. – 32 с., ил. (авторский вклад 2,0 п.л.).

Статьи:

13. Большов С.В. Полевые исследования Марийского краеведческого музея / С.В. Большов, В.В. Николаев // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1989. – С. 95–96. (авторский вклад 0,1 п.л.).

14. Большов С.В. Работы Марийского республиканского краеведческого музея в зоне водохранилища / С.В. Большов, П.Г. Инягин, А.Ю. Казаков, В.В. Николаев // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. – Йошкар-Ола, 1989. – С. 183–190. (авторский вклад 0,4 п.л.).

15. Большов С.В. Абашевские древности и некоторые проблемы эпохи бронзы лесной полосы Среднего Поволжья / С.В. Большов // Поздний энео-

лит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 160–169. (авторский вклад 0,5 п.л.).

16. Большов С.В. Соотношение Волго-Сурских и Волго-Вятских абашевских комплексов / С.В. Большов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. – Саратов: 1991. – С. 4–6. (авторский вклад 0,1 п.л.).

17. Большов С.В. Исследования I Пеленгерского могильника / С.В. Большов // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 14–16. (авторский вклад 0,1 п.л.).

18. Большов С.В. Работы археологической экспедиции Марийского музея в 1990–1992 гг. / С.В. Большов, М.Е. Ильин, Д.Г. Свечников // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 16–17. (авторский вклад 0,1 п.л.).

19. Большов С.В. Археологические исследования Национального музея Республики Марий Эл / С.В. Большов, П.Г. Инягин, А.А. Кондаков // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 1994. №2. – С. 152–157. (авторский вклад 0,3 п.л.).

20. Большов С.В. Инвентарь абашевских погребальных комплексов севера Средней Волги / С.В. Большов, М.Е. Ильин, Д.Г. Свечников // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 16–25. (авторский вклад 0,8 п.л.).

21. Большов С.В. Новые исследования II Виловатовского могильника / С.В. Большов, О.В. Кузьмина // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 81–113. (авторский вклад 1,0 п.л.).

22. Большов С.В. Проблемы культурогенеза в лесной полосе Среднего Поволжья в абашевское время / С.В. Большов // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 141–155. (авторский вклад 0,8 п.л.).

23. Большов С.В. Поселение Большая Гора (предварительные результаты исследования) / С.В. Большов // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 24. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 50–60. (авторский вклад 0,8 п.л.).

24. Большов С.В. Семантика орнаментации, культовых изображений и социально-экономическая организация древних обществ (По материалам археологических культур севера Среднего Поволжья) / С.В. Большов // Узловые проблемы современного финноугроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. – С. 14–16. (авторский вклад 0,1 п.л.).

25. Большов С.В. К вопросу о поселениях культуры «текстильной» керамики в Среднем Поволжье / С.В. Большов, С.В. Кузьминых, Б.С. Соловьев //

Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 24. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 89–99. (авторский вклад 0,3 п.л.).

26. Большов С.В. Абашевская культура и некоторые проблемы культурогенеза севера Среднего Поволжья / С.В. Большов // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. – Тамбов, 1996. – С. 29–30. (авторский вклад 0,1 п.л.).

27. Большов С.В. Относительная хронология абашевских могильников Среднего Поволжья / С.В. Большов // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск, 1998. – С. 68–70. (авторский вклад 0,2 п.л.).

28. Большов С.В. Абашевская культурно-историческая общность: дискретность или непрерывность? / С.В. Большов // Проблемы первобытной и средневековой археологии: Тезисы докладов I Халиковских чтений. – Казань, 1999. – С. 46–47. (авторский вклад 0,1 п.л.).

29. Большов С.В. Датировка абашевских памятников и их место в кругу культур эпохи бронзы севера Среднего Поволжья / С.В. Большов // Финноугроведение. – Йошкар-Ола, 1999. – №2–3. – С. 11–13. (авторский вклад 0,2 п.л.).

30. Большов С.В. Сутырская I стоянка / С.В. Большов // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 28–37. (авторский вклад 0,9 п.л.).

31. Большов С.В. Хронологические позиции абашевских могильников Среднего Поволжья в системе культур эпохи бронзы Волго-Уралья / С.В. Большов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы научной конференции. – Ижевск, 2000. – С. 253–256. (авторский вклад 0,3 п.л.).

32. Большов С.В. Лес и степь: взаимодействие различных хозяйственно-культурных типов / С.В. Большов // Проблемы реконструкции хозяйства по археологическим данным. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 14–16. (авторский вклад 0,1 п.л.).

33. Большов С.В. Погребальный обряд абашевцев Среднего Поволжья, Подонья и Южного Приуралья / С.В. Большов // История и культура марийского народа: прошлое и настоящее. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 16–17. (авторский вклад 0,1 п.л.).

34. Большов С.В. Некоторые закономерности построения орнаментальных композиций абашевских сосудов / С.В. Большов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 257–262. (авторский вклад 0,4 п.л.).

35. Большов С.В. Основные характеристики погребального обряда и керамики Пеленгерского I могильника / С.В. Большов // Древности Поволжья и Прикамья. АЭМК. В. 25. – Йошкар-Ола, 2001. – С. 168–175. (авторский вклад 0,6 п.л.).

36. Большов С.В. Моделирование культурогенеза и этногенеза на севере Среднего Поволжья / С.В. Большов, А.А. Власов // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика – 2001: Материалы пятой юбилейной Международной научно-практической конференции. Том 1. – М.: Изд-во ИПУ РАН, 2001. – С. 116–122. (авторский вклад 0,5 п.л.).

37. Большов С.В. Культурогенетическая ситуация на севере Среднего Поволжья в абашевское время / С.В. Большов // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы Международной научной конференции. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2002. – С. 84–90. (авторский вклад 0,4 п.л.).

38. Большов С.В. К вопросу о происхождении и дальнейших судьбах средневожской абашевской культуры / С.В. Большов // Древние этнокультурные связи финно-угров: Материалы российской археологической конференции, посвященной 30-летию Марийского государственного университета. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 50–59. (авторский вклад 0,6 п.л.).

39. Большов С.В. О некоторых ранних и поздних признаках в погребальном обряде и инвентаре средневожских абашевцев / С.В. Большов // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: Материалы Вторых Халиковских чтений. – Казань, 2002. – С. 55–58. (авторский вклад 0,2 п.л.).

40. Большов С.В. Сравнительный анализ погребального обряда абашевцев Среднего Поволжья, Подонья и Южного Приуралья / С.В. Большов // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 16–23. (авторский вклад 0,5 п.л.).

41. Большов С.В. Некоторые закономерности построения абашевских орнаментальных композиций и их семантика (по материалам могильника Пеленгер I) / С.В. Большов, Е.П. Михайлов // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 36–44. (авторский вклад 0,6 п.л.).

42. Большов С.В. Малособарский курган абашевской культуры в Чувашии / С.В. Большов, Б.В. Каховский, Е.П. Михайлов // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 45–49. (авторский вклад 0,3 п.л.).

43. Большов С.В. Сутырская I стоянка / С.В. Большов // Древности. Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Вып. 36. – Москва–Казань, 2003. – С. 79–82. (авторский вклад 0,2 п.л.).

44. Большов С.В. Структурообразующие признаки средневолжской абашевской культуры / С.В. Большов // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003. – С. 89–91. (авторский вклад 0,1 п.л.).

45. Большов С.В. Абашевская керамика могильника Пеленгер I / С.В. Большов, О.В. Кузьмина // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003. – С. 181–187. (авторский вклад 0,4 п.л.).

46. Большов С.В. Абашевско-сейминские параллели (к вопросу о датировке волго-вятской группы абашевских могильников) / С.В. Большов // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию О.Н. Бадера. – Пермь, 2003. – С. 71–72. (авторский вклад 0,1 п.л.).

47. Большов С.В. Ранние и поздние погребальные комплексы средневолжской абашевской культуры / С.В. Большов, А.А. Власов // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 40–46. (авторский вклад 0,3 п.л.).

48. Большов С.В. Виловатовский II могильник – основополагающий памятник средневолжской абашевской культуры / С.В. Большов // Игнатьевские чтения. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 97–99. (авторский вклад 0,1 п.л.).

49. Большов С.В. Курганы Волго-Вятского междуречья (материалы к археологической карте Республики Марий Эл) / С.В. Большов // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Вып. 27. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 42–47. (авторский вклад 0,3 п.л.).

50. Большов С.В. Абашевские могильники Среднего Поволжья (сравнительный анализ погребального обряда абашевских могильников Волго-Сурского и Волго-Вятского междуречья) / С.В. Большов // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Вып. 27. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 48–55. (авторский вклад 0,6 п.л.).

51. Большов С.В. Древние культовые памятники Марий Эл (к реконструкции мифологической картины мира древнего населения края) / С.В. Большов // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Материалы III Международного исторического конгресса финно-угорских народов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 454–456. (авторский вклад 0,1 п.л.).

52. Большов С.В. К вопросу о выделении культурных групп погребений в средневолжских абашевских могильниках / С.В. Большов // Древность и средневековье Волго-Камья. – Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань-Болгар, 2004. – С. 28–31. (авторский вклад 0,1 п.л.).

53. Большов С.В. Планиграфия распространения типов сосудов и орнаментальных композиций в могильнике Пеленгер I / С.В. Большов, О.В. Кузь-

мина // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 115–145. (авторский вклад 1,5 п.л.).

54. Большов С.В. Антропоморфная пластика малых форм по материалам археологических памятников Марий Эл / С.В. Большов, А.И. Иванов, В.В. Николаев // Народное искусство, художественные промыслы и ремесла. – Чебоксары, 2004. – С. 54–57. (авторский вклад 0,1 п.л.).

55. Большов С.В. Изображения утки на археологических предметах и в марийской вышивке как этноопределяющий образ / С.В. Большов, Н.А. Большова // Народное искусство, художественные промыслы и ремесла: проблемы сохранения, развития и возрождения. – Чебоксары, 2004. – С. 45–53. (авторский вклад 0,5 п.л.).

56. Большов С.В. Проблемы культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья в конце средней – начале поздней бронзы / С.В. Большов // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология, этническая история: III часть. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 206–207. (авторский вклад 0,1 п.л.).

57. Большов С.В. Средневожская абашевская культура в системе абашевской культурно-исторической общности (хронология и периодизация / С.В. Большов // Археология восточноевропейской лесостепи: Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Вып. 19. Воронеж, 2006. – С. 109–120. (авторский вклад 1,0 п.л.).

58. Большов С.В. Погребение жрицы-шамана II Виловатовского могильника / С.В. Большов // Проблемы теории и практики преподавания горномарийского языка, литературы, истории и культуры. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 11–15. (авторский вклад 0,4 п.л.).

59. Большов С.В. Типолого-хронологический горизонт волосовских поселений эпохи раннего металла / С.В. Большов, В.В. Никитин // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – С. 252–257. (авторский вклад 0,3 п.л.).

60. Большов С.В. Мировоззренческая модель мира средневожских абашевцев (к вопросу реконструкции и интерпретации) / С.В. Большов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – С. 258–263. (авторский вклад 0,4 п.л.).

61. Большов С.В. Моделирование культурогенеза лесной зоны Среднего Поволжья / С.В. Большов // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары, 2006. – С. 102–124. (авторский вклад 1,2 п.л.).

62. Большов С.В. Семантика абашевского орнамента / С.В. Большов // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. III. – Донецк, 2006. – С. 291–302. (авторский вклад 1,0 п.л.).

63. Большов С.В. Сейминско-турбинские памятники лесного Поволжья и курганы абашевской общности / С.В. Большов // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006. – С. 70–82. (авторский вклад 1,0 п.л.).

64. Большов С.В. Изображение медведя на археологических предметах и в марийской обрядовой вышивке / С.В. Большов, Н.А. Большова // Музейный вестник. Вып. № 1. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 5–11. (авторский вклад 0,5 п.л.).

65. Большов С.В. Изображение лося (олени) и коня на археологических предметах и в марийской обрядовой вышивке / С.В. Большов, Н.А. Большова // Музейный вестник. Вып. № 1. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 12–32. (авторский вклад 0,7 п.л.).

66. Большов С.В. Археологические культовые памятники как источник реконструкции древних верований (эпоха камня – ранний железный век) / С.В. Большов // К истории межконфессионального согласия. Йошкар-Ола, 2007. – С. 8–28. (авторский вклад 1,2 п.л.).

67. Большов С.В. Абашевское время на Средней Волге / С.В. Большов // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 30. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 51–68 (авторский вклад 1,0 п.л.).

68. Большов С.В. Средневолжская абашевская культура (семиотический аспект) / С.В. Большов // Музейный вестник. Вып. № 2. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 201–218. (авторский вклад 1,0 п.л.).

69. Большов С.В. Проблемы культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья конца средней – начала поздней бронзы / С.В. Большов // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Археология, антропология и история. Часть VI. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 91–101 (авторский вклад 0,8 п.л.).

70. Большов С.В. Семантика погребального обряда и украшений (к реконструкции мировоззренческой модели абашевских племен) / С.В. Большов // Археологические памятники Восточной Европы. Сборник научных работ. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С. 112–129. (авторский вклад 0,8 п.л.).

71. Большов С.В. Погребение Виловатовского II могильника с культовыми признаками обряда / С.В. Большов // Археологические памятники Восточной Европы. Сборник научных работ. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С. 170–171. (авторский вклад 0,1 п.л.).

72. Большов С.В. Хронологическое соотношение абашевской, атликасинской и балановской культур / С.В. Большов // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. – № 2. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 21–26. (авторский вклад 0,3 п.л.).

Подписано в печать 29.12.2011. Формат 6084 $\frac{1}{16}$
Тираж 100 экз., Заказ № 013001 от 12 января 2012г, Усл. печ. л. 2,75

Отпечатано в центре полиграфических услуг
ЗАО "Форт Диалог"
Республика Марий Эл, г.Йошкар-Ола, ул.Первомайская, 126

102